

ПИОНЕР

У ребят на московского детского дома № 23 много заботливых друзей. Это пионерки 357-й школы. Они давно стали желанными гостями в большой дружной семье детдомовцев. Им здесь всегда рады, их здесь всегда ждут. Девочки часто приходят к мальчикам играть, рассказывать сказки, петь. Но бывает и так: когда малыши спят или гуляют, девочки идут к сестре-хозяйке и помогают ей штопать чулки, чинить и гладить детское белье.

Много кукол и других игрушек дарят девочки мальчикам. Недавно они сами сделали и подарили всем носовые платки и красивые сумочки-кармашки для них.

На снимке: Валя Алексеева, пионерка 3-го отряда, принесла Рае Щенкиной игрушку.

САД ПОБЕДЫ

С. Юрьев

И верь в пионерскую комнату открылась. Вошёл небольшого роста пожилой человек с гладко выбритым лицом и тёмными седеющими волосами.

— К нам пришёл Евстафий Петрович Огей, познакомьтесь, ребята! — сказала старшая пионервожатая Екатерина Ивановна Глазунова.

Пионеры вскочили со своих мест и хором сказали: «Здравствуйте!» — в ответ на приветствие гостя.

Товарищ Огей сел в конце накрытого красной скатертью стола. Он не торопился начинать беседу. Из большой кофолки, принесённой с собой, он вытаскивал одно за другим опрощённые яблоки, разрезал их на дольки и молча раздавал эти дольки недоумевающим ребятам.

Скоро у всех присутствующих хрустели на зубах сочные, ароматные яблоки.

— Вкусно? — спросил товарищ Огей.

— Вкусно! — хором ответило собрание.

Евстафий Петрович, улыбаясь, обвёл глазами ребят:

— Так давайте устроим перед школой свой фруктовый сад, потом каждому из вас захочется иметь фруктовые деревья и перед своим домом. А глядя на вас, обзаведутся салмами и ваши соседи. И вот увидите, ребята: через несколько лет Чоботово трудно будет узнать. У всех будет вдоволь вот таких яблок, клубники, смородины, вишни. Важно только начать. Что вы скажете на это, ребята? А?

На следующее утро, в воскресенье, более тридцати мальчиков и девочек вместе с Екатериной Ивановной и учителем биологии Ваасентином Тимофеевичем Силаевым отправились на экскурсию к Евстафию Петровичу. Они шли по немощённому улицам большого посёлка. Справа и слева стояли небольшие домики. За деревянными заборами перед домиками росли деревья и кусты. Была

осень — пора сбора фруктов. Но единственные «плоды», которые видели ребята, были гроздья рябины.

Зато настоящим оазисом среди пустыни оказался им участок Евстафия Петровича. Ветки яблонь обломались бы под тяжестью плодов, если бы их не подпирали шести. Огромные, килограммов в десять — двенадцать тыковки желтели среди зелени, гигантскими голубоватыми цветами сидела на грядках невероятных размеров капуста.

Долго ходили ребята с Евстафием Петровичем по саду и огороду. Этот клочок земли, казалось, был выхвачен из другой страны, откуда-то с юга, и перенесён сюда, в Подмосковье.

— Если один человек смог устроить такое, то что же могут сделать сотни две наших ребят? — задумчиво сказала семиклассница Амина Аднатулина.

Юра Иванов в десятый раз оглянулся кругом и вдруг заявил:

— Ну, пошла! Чего время-то терять?

— Куда ещё пошла? — раздался недовольное голос.

— Куда, куда! Пошли свой сад заводить. Уж коли начинать, так сразу.

Кое-кто засмеялся такой поспешности, но большинство ребят поддержало Юру. Зачем откладывать, когда сегодня воскресенье и можно многое сделать до вечера?

«Экскурсия» вернулась в школу. Вместе с ребятами пришёл и Евстафий Петрович.

Работа закипела. Одни размечали участки, другие вбивали колышки там, где предстояло посадить деревья, третьи уже принимались рыть гряды.

Когда в понедельник, утром, в школе собрался все школьники, они не узнали пришкольного участка. Он был тщательно расчищен, аккуратными рядами торчали колышки, чернели прямоугольники вспаханной земли. У входа на этот участок был вбит небольшой столбик, а на нём висела дощечка с надписью:

«Будущий сад Победы».

Прошло два — три дня, «Будущий сад Победы» овладел умами и сердцами множества учеников чоботовской школы. Третьеклассники и семиклассники, мальчишки и девочки,

ежедневно после уроков возились в саду. Около трёхсот кустиков клубники, полученных от Евстафия Петровича, были высажены в грядки. То же сделали и с побегами малины. На месте битых в землю колышков появились ямы для посадки деревьев.

В один прекрасный день несколько ребят отправились на станцию Матвеевское, в питомник плодовых деревьев.

С дощечки с надписью «Будущий сад Победы» стёрли слово «будущий».

Пришла зима. Скрылись под снегом грядки с клубникой и малиной. Саженцы яблонь ребята укутали веточками хвой, чтобы молодые деревца не пострадали от грызунов. В «саду Победы» уже не слышно было голосов ребят. Но вечерами подолгу не гасли огни в пионерской комнате: там устраивались доклады о работах Мичурина, о законах наследственности в растительном мире. На горячих собраниях вместе с Валентином Тимофеевичем строились планы на лето.

Раньше всего началась весна на подоконниках: зазеленела рассада цветов в деревянных ящиках, кое-где даже появились бутоны, а за окнами ещё выли последние вьюги.

Но вот и стаял снега. Снова начались работы в саду. Ребята вскопали землю вокруг каждого высаженного осенью деревца. Под окнами школы весело пестрели цветы, зеленели молодой лиственной маленькие деревца, на грядках краснели ягоды клубники. Прохожие останавливались и подолгу глядели через ограду.

И снова настала осень, самая горячая пора для садовода. Этой осенью нашим героям довелось совершить такой подвиг, который прославил Чоботовскую школу на всю Московскую область.

Дело было так. В школьный сад, где ребята теперь трудились каждый день, пришла директор школы Юзефа Ивановна Гладовская, а с ней незнакомый человек в военной шинели.

— Ребята! — сказала Юзефа Ивановна. — Вот к вам пришёл инженер Замоскворецкого леспромхоза товарищ Соловьёв. Пойдите сюда. Нужно поговорить.

Ребята подошли к крыльцу, отирая мокрые от пота лбы. Товарищ Соловьёв прозвёс с крыльца маленькую деловую речь, которая сводилась к следующему:

Ребята, конечно, зна-

ют, какое огромное значение имеют леса. Нет лесов — становится меньше дождей, мелеют реки, начинаются засухи.

Леспромхоз ведёт большую работу по насаждению лесов, чтобы обезопасить от засухи колхозные посевы, спасти от обмеления реки. Но у леспромхоза мало рабочих рук. Не могут ли юные садоводы помочь леспромхозу и насадить несколько гектаров леса? За это леспромхоз даст садоводам столько саженцев самых различных фруктовых деревьев, сколько они захотят.

Ребята задумались.

— Гм! Несколько гектаров, вы говорите? — переспросил практичный Юра. — А сколько же это будет деревьев?

— Ну... Я думаю, тысяч пятнадцать — двадцать.

— Сколько?!

Ребята не верили своим ушам.

В саду с несколькими десятками деревьев было достаточно возни, а тут вдруг десятки тысяч.

Инженер засмеялся:

— Да вы не пугайтесь. Лес садить — это не то, что садовые деревья.

— Соглашайтесь, ребята, — поддержала инженера Юзефа Ивановна.

Садоводы согласились. В тот же день общее школьное собрание постановило: лес посадить!

А ещё через день пионерские отряды 7-го класса «А» и 7-го класса «Б» уже стояли в трёх километрах от школы и смотрели на унылое, ровное поле, по которому кое-где торчали пеньки, кое-где виднелись кустики. Свежий ветер бежал над куцей травой, теревил красные галстуки ребят.

Тут было не несколько гектаров. Тут было несколько десятков гектаров, может быть, даже целый квадратный километр.

Лица ребят были задумчивы и торжественны. Подкатила трёхтонка. Из неё вы-

Выпал глубокий снег, и чоботовские юнаты снова вышли в свой сад. Майя Грунина, Инна Чижовская и Вали Агурева утаптывают снег вокруг яблони, чтобы он медленнее таял и чтобы мыши не пробрались под снегом к деревцам.

сходил знакомый инженер. Несколько рабочих стали сгружать ящики с крохотными саженцами сосны, липы, клёна и осины. Сгрузили и ящик с инструментами для посадки. Это были тяжёлые узкие, заострённые лопатки, составлявшие одно целое с короткой железной ручкой.

— Нож профессора Колесова! — объяснил ребятам товарищ Соловьёв, взяв один из этих инструментов.

Он воткнул острую лопатку глубоко в дёрн, нажал на перекадину обеими руками, качнула лопатку вперёд и назад. Дёрн раздвинулся, и получилась ямка. Вынув из неё лопатку, товарищ Соловьёв взял одно из крохотных деревьев, посадил его в ямку и, нажав ногой на дёрн, заставил его снова сомкнуться.

— Одна сосна посажена! — объявил он ребятам.

Лица у садоводов повеселели: дело оказалось куда проще, чем они предполагали.

Скоро оба отряда уже работали вовсю. По зелёному полю двигалась редкая шеренга ребят, орудовавших ножами Колесова. Каждый из них делал ямку, проходила определённое количество шагов вперёд, снова останавливалась и делала ямку. За ним следовал его напарник, который сажал в ямку дерево и прижимал к нему ногой дёрн.

За каждой такой парой вырастал прямой ряд саженцев какой-нибудь одной породы, а рядом — другой. Получалось так: ряд сосен, ряд лип, ряд клёнов, снова ряд сосен и так далее.

На следующий день сажать лес пошли шестые классы, а ещё на следующий — пятые.

Прошло несколько недель. И вот наступил день, когда всё огромное поле перед новым посёлком было покрыто молодыми деревьями. Не двадцать, а шестьдесят тысяч деревьев посадили пионеры за эти недели!

А в «саду Победы» между тем появились десятки новых саженцев: тут были и новые сорта яблонь и вишен, и слива, и груша, и молодые ёлочки, и американский клён.

Вот и весь рассказ о пионерах-садоводах Чоботовской школы.

За свою полезную работу школа награждена почётной грамотой Областной станции юных натуралистов. Такими же грамотами награждены двадцать шесть наиболее деятельных садоводов из ребят.

С каждым годом подрастают деревья в «саду Победы», и в посёлке всё больше и больше подумывают о разведении садов у каждого дома.

Подрастают под охраной лесников шестьдесят тысяч деревьев в молодом лесу возле нового посёлка. Пройдут года, и никто не узнает унылой пустоши, на которой стояли когда-то в раздумье чоботовские пионеры. Здесь будут шуметь высокие сосны и ели, здесь будет пахнуть грибами и земляникой.

И уж, конечно, если лес этот получит какое-нибудь название, то самым лучшим названием для него будет «Лес пионерский».

Все плодовые деревья и кустарники любят хорошо удобренную почву. Если весной тщательно перекопать и удобрить землю в саду, то урожай будет значительно лучше. Юра Птербаков, Олег Михайлов и Юра Романов возят навоз в сад.

Ранней весной посмотрите, нет ли на ветках вашего сада сухих листьев, свернутых в трубочку? Если есть, снимите их: это зимуют гусеницы боярышницы. Весной они набросаются на молодые листочки яблонь. Нинита Заболотский, Олег Борхарт и Валя Иванов снимают гусеницу боярышницы.

УКРАСИМ РОДИНУ САДАМИ!

Ко всем пионерам и школьникам

Дорогие друзья!

Наша школа — новостройка. Ещё два года назад её окружал пустырь. Мы, пионеры, задумали вырастить на этом пустыре свой сад, чтобы у школы были свои плодовые деревья, чтобы вызревали на них сочные вишни, груши, яблоны.

Всем ребятам очень понравился план школьной усадьбы, предложенный советом пионерской дружины.

И весной 1945 года мы своими руками заложили на пустыре сад Победы.

Сейчас в нашем саду растут 30 яблонь, 50 вишен, 50 кустов смородины, 500 кустов малины, 10 грядок земляники. Этим летом мы уже сняли большой урожай крупной земляники.

Для защиты сада от холода и ветра мы посадили вокруг 600 декоративных деревьев и кустарников. По пятилетнему плану школы, наш сад увеличится до полутора гектаров. Прошлой осенью мы выкопали ямки и подготовили для посадки новые саженцы. В 1950 году наши саженцы дадут первый урожай фруктов. Для этого мы стараемся как можно лучше ухаживать за молодыми деревцами.

Но мы не ограничились работой в школьном саду. Двести учеников нашей школы заложили садики около своих домов. Самый лучший сад у Юры Шербакова. Кроме ягодных кустарников у него растут 12 яблонь, 3 груши, 5 слив, которые дали за лето наибольший рост.

Скоро у всех наших пионеров разрастутся сады. Недалеко время, когда весной станут они покрываться пышными цветами, а осенью — румянными, душистыми плодами.

Дорогие друзья! Мы, пионеры и школьники, можем сделать очень много, если дружно возьмёмся за дело. Сколько новых садов зацветёт на обширных

просторах нашей родной страны, если каждый пионер и школьник посадит весной ягодные кустарники или одно — два плодовых дерева! Вель нас миллионы!

Мы не сомневаемся, что вы нас поддержите. За дело, ребята! Помните: если в этом году у школьников будет грядка земляники, то в следующем году она уже даст спелые ягоды. Ягодные кустарники — крыжовник, смородина — дадут урожай на третий год. А через 4—5 лет с посаженных в этом году саженцев можно будет убирать урожай фруктов.

Пусть в каждой школе и пионерской дружке ребята объединяются в кружки юных натуралистов и садоводов-мичуринцев. Пусть каждое пионерское звено научится размножать, правильно сажать и выращивать ягодные кустарники и плодовые деревья. А учителя, комсомольцы, наши родители с радостью помогут нам в этом благородном деле.

К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

По поручению педагогического коллектива:

директор школы Ю. И. Гладовская, учителя: З. И. Поливанова, Л. П. Померанцева, В. Т. Силаев, А. Ф. Третьяк, С. И. Робинвич, Е. П. Огей.

По поручению комсомольской организации:

секретарь комитета ВЛКСМ Марат Позняк.

По поручению пионерской дружины: старший пионервожатый Е. И. Глазунова,

пионеры: Ваня Иванов, Юра Шербаков, Майя Грунина, Олег Берхарт, Инья Гладовская, Володя Силаев.

Московская область,
Кунцевский район,
Чоботовская семилетняя школа.

Постройка Московского Кремля при Иване III (1485 — 1508).

Гравюра А. Баранского.

Library of Congress

Call Number: 100-100000

100-100000

МЕДНАЯ ИГОЛКА

Рассказ Николая Григорьева

Рис. П. Кузьмичёва

Странные бывают находки в лесу. Как-то летом я гостил в Пскове. Люблю этот город на Великой-реке, с его звонницами, башнями, земляными валами и крепостными стенами, со всей его прекрасной русской стариной! Бродя по окрестностям, я вошёл в лес. Огромные мачтовые сосны покрывали от игравшего в их вершинах ветерка. Но здесь, внизу, было совсем тихо, не шевелилась ни былинка. Под зелёными сводами, которые только изредка, как серебряными иглами, пронизывало солнце, я углублялся в чащу.

Хотелось присесть, отдохнуть в прохладе: день был жаркий. Вижу: камни, местечко уютное. Подхожу, сажусь, осматриваюсь... Гм, — это не случайная груда камней! Взяв пруттик, я стал отковыривать от камней мох и лишайники и вскоре нашупал швы кирпичной кладки. Постройка! И очень давняя. В глуши векового леса?.. Что бы это могло быть?

Мне уже не сиделось. Раздвигая колючки кустарника и заглядывая то вправо, то влево, в папоротники и в траву, я начал розыски, взяв мысленно направление вдоль исчезнувшей стены. Шагов через пятнадцать, расковырив холмик, осыпанный хвоей, я обнаружил кирпичный угол. Пропавшая стена здесь делала поворот. Начало неплохое.

Я обогнул угол и пошёл по новому направлению стены. В траве подвёртывались под ноги обломки кирпича, — я спотыкался, но был рад этим путевым знакам: значит, не теряю направления. Опять остатки угла. Я остановился и осторожно счистил с кирпичей землю. Угол по размеру совершенно такой же, как предыдущий, и расстояние — опять пятнадцать шагов. Угол тупой — я прикинул наглаз величину его: полтора прямых. Полтора прямых — это угол восьмиугольника. Видимо, здесь стояла башня.

Дальнейшие следы подтвердили мою догадку.

Итак, по восьмиугольнику, я вдруг натолкнулся на кусок целой стены. Она до такой степени обомшела и заросла всякими ползучими растениями, что, не имея я перед собой цели, я никогда бы и не догадался, что это стена. Стена оказалась высотой метра в полтора, да толстенная.

Я вошёл внутрь развалившейся башни. Башня!.. Но когда она стояла и для чего она? Я выломал палку покрепче, заострил её и принялся ковырять землю внутри восьмиугольника. Но раскопки не дали ничего.

Умаявшись, я присел к стене. Попробую рассуждать. Посредством рассуждений удастся найти ответ в очень сложных задачах. Вся математика основана на рассуждениях!

Итак, башня. Что же это могло быть? Недалеко Псков, древняя крепость. Допустим, что эта башня — форт. Когда-то, в далёкие времена, псковичи вынесли этот форт за городскую стену, чтобы расстреливать ряды наступающих врагов. А врагов у Пскова, мы это знаем из истории, всегда было много. В самом деле: может быть, это первый, внешний пояс обороны псковичей?

Но, подумав, я отверг такое решение... Нет, это не псковская башня! Все башни, стены, все крепостные постройки древнего Пскова сложены из известковой плиты. Это очень прочный и очень удобный для построек камень. А, главное, его здесь повсюду огромные залежи. Выезжай с телегой на берег реки Великой, под обрыв, — и сразу навалишь камня полный воз. По реке и теперь множество каменоломен — целыми поездами развозят отсюда плиту для построек. Местный камень лучше кирпича. Зачем же бы древним псковичам лепить и обжигать кирпичи? Нет, это не псковская башня.

Предположим другое, размышляя я. Башню построили враги, какие-нибудь псы-рыцари, вечно

зарывшиеся на богатства древнего Пскова. Однако нет, и это — не решение! Враг шёл в набег налегке, конным строем. Чего бы ради он потащил с собой, за сотни вёрст, обоз с кирпичом? Если уж решились бы рыцари строить осадную башню, то чего проще — кругом под руками тот же плитняк!

Итак, путь рассуждений тоже не дал ответа... Между тем в лесу начинало уже темнеть, пора было домой. Я решил ещё раз, напоследок, обшарить развалины.

Я опять взял прутки и начал обдирать лишайники с кирпичной кладки. Царапаю так лишайники, царапаю, вдруг — отверстие: маленькая круглая дырочка. Я попытался, — не люблю змеиных гнезд! Но всё же я потыкал в отверстие прутком. Нет, это — не гнездо: отверстие совсем не глубокое. Поколебавшись, я засунул в отверстие палец — и сразу почувствовал: там что-то есть! Я подставил к стенке ладонь свободной руки. Вот оно! На ладонь упала маленькая зелёная штучка.

Отойдя в сторону, где посветлее, я стал рассматривать находку. Иголка... А, может быть, это хвост с дерева? Нет, грубая, самодельная, но всё-таки это игла для шитья. И вся насквозь проржавевшая. Только ржавчина не рыжая, а ярко-яркозелёная. Значит, иглолка медная. Я начал осторожно ножиком скоблить жало иголки, чтобы добраться до блеска. Но игла тут же переломилась...

Только теперь я взглядел бумажку, в которую иголка была воткнута; сначала мне показалось, что это комок пыли. Но как развернуть бумажку? Чуть прикоснёшься — она крошится... Я решил подышать на неё, чтобы увлажнить. Дышал, дышал — вижу: бумажка уже не ломается. Присев, я положил бумажку себе на колено и осторожно, двумя спичками, расправил её.

Гляжу — буквы! Придерживая дыхание, чтобы не судть с колена хрушкий тёмный клочок, я стал читать. Тонкими вычурными буквами были выведены от руки слова:

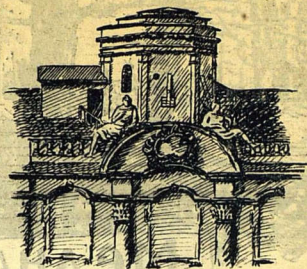
«Bastion
Batonnade
Baz...»

Дальше оборвано.

— Ну, что? — спросил я себя с досадой. — Теперь всё ясно?

Мысли мои окончательно перепутались. Старинная самодельная иглолка — и тут же какой-то французский документ. Нельзя же предположить, что Псков осаждали французы, если этого никогда не было!

«Bastion» — это и по-русски «бастион», боевая часть крепости. Корень слова «Batonnade» — «батон», что

по-французски обозначает палку. Слово в целом — причастие, примерный смысл: «битый палкой». Третье слово неполное, обрывок... А в общем — ничего не понимаю!

Стоп, стоп, а это что такое? Правее слов на бумажке я взглядел значки. Каждый значок из коротких прямых чёрточек. Чёрточки перекрещивались, причём все по-разному.

Мало загадок, так ещё новая!

Уложив свои находки в спичечную коробку, я пошёл в город. Но в Пскове никто не сумел мне сказать о разрушенной башне в лесу.

Мой отпуск закончился. Я возвратился в Ленинград и пошёл со своими находками в Публичную библиотеку.

— Каким веком вы интересуетесь? — спросил меня.

Надо было что-то сказать, и я наугад ответил: — Шеснадцатым.

В сводчатом подвале меня встретил старичок-библиофил с лупой в руке. Через лупу он рассматривал при свете лампы какую-то жёлтую старинную рукопись.

Я показал свою находку. Старичок взял её под лупу, направляя на неё свободной рукой свет лампы. Потом кинул лупу на стол и выпрямился:

— Подождите, пожалуйста, меня здесь, присядьте. Я схожу в девятнадцатый век.

Прошло полчаса, а может быть, и час и два, не знаю, сколько, — я потерял счёт времени от нетерпения... Наконец, дверь бесшумно приоткрылась, и старичок, не входя, кивнул мне:

— Пойдёмте со мной.

Мы вступили в катакомбы. Это были ущелья и тоннели, только проложенные не в земле и не в камне, а среди миллионов книг. Нам тускло светили сверху лампочки, и в вышине, над сводами, иногда различал людей. Как сказочные гномы, они искали здесь клады и нахо-

аны из Ленинграда в город Киров и ничего охотничьего у нас не было.

Мы пошли с папой на охоту.

Мы спустились к реке и переправились на другой берег на подке.

— Пойдём по берегу, — сказал папа, — видишь, какой ветер. Утке сидеть на чистой воде неловко, её волны бьют, она и жмётся к бережку, к заводчикам и к кустам. Тут к ней и можно подобраться. Ты как увидишь кого, так падай и ползи, подкрадывайся.

И я пошёл один с ружьём на хоту. Было очень как-то интересно и странно. Один, без папы, я должен был перехитрить птицу! И вот только я зашёл за кусты, как вдруг прямо на меня летят две утки.

— Утки! Утки! — закричал я и кинулся к папе.

— Да это вороны! Неужели по полёту не увидел, кто?

Я и сам хорошо знал, как вороны летают, да от волнения всё забыл и перепутал. Потом я стал подползать к кулику. Везде было сыро, а я боялся приподыматься и полз по самым лужам. У последнего бугорка я стал осторожно-осторожно выглядывать. А кулика-то уж и нет никакого. Он потихоньку улетел.

А потом мы видели, как на воду сели две большие кряквы — селезень и утка. Мы оба стали подкрадываться с разных сторон. Но никак было нельзя подобраться поближе. Они сели за островок, через большую протоку. Мы хорошо видели, как их качало на волнах. Селезень светлый, красивый, с тёмной головой. Он кричал по-особенному. Он часто-часто опускал голову и брэнкал, как папа говорит. А утка кракала попросту.

А потом мы ушли в лес и нашли урощенькую полянку с кривой сосеёнкой. Тут мы сделали привал. Замгли костёр, стали воду кипятить для чая и печь в золе картошки. Всё было в двадцать раз вкуснее, чем дома. Особенно печёная картошка. Сдерёшь с неё подгорелую толстую корку, она так и запахнет. Прямо слюнки потекут. Посолишь её и ешь.

Рядом с нашей полянкой была пахота — большое поле. Оттуда всё время мяукали, будто котята. Я с ружьём пошёл и сразу увидел этих мявунов. Это птицы ростом с галку. Живот белый, а крылья тёмные, очень длинные и тупые. Это были пугальцы-чиги-сы. Кричат они: «Чи вы? Чи вы?»

Потом мы пошли по перелесочкам. Мы остановились в чаще, в кустах.

— Тут, — говорит папа, — обязательно тут пролетит. Стало темно, кругом птицы пели как-то по-особенному, по-вечернему. Вдруг загудкали, как тогда днём, тетерева, только очень далеко. Я всё сидел и слушал, а папа стоял с ружьём около куста. Всё темней и темней становилось, и птицы замолкали. И тут я услышал: «Хор-хор-хор...» Всё ближе да ближе... И вижу: прямо на папу летит птица над кустами. Клюв у неё длинный, сама поменьше голубя. Кулик! Вот как папа верно выбрал место! Тут *опять — бух! Бух! Птицу вскинуло вверх, и она быстро, быстро свернула в сторону и улетела. Опять мимо!

И мы стали осторожно-осторожно подкрадываться, так, чтобы не хрустнуть, не шуметь. Папа впереди, а я сзади. И только мы вышли на чистое место, как изпод небольшой ёлочки выскочило три большущих чёрных птицы — тетерева! Папа выстрелил — раз и два! И мимо! А я и не стрелял — всё так быстро случилось.

Мы целый день так ходили. Стреляли по уткам ещё два раза, и папа всё не попадал, а я никак не успевал прицеливаться. Мы устали, и папа стал искать тягу вальдшнепов, чтобы сразу же после тяги податься в ночёвку. Вальдшнеп — это лесной кулик.

Мы устали, и папа стал искать тягу вальдшнепов, чтобы сразу же после тяги податься в ночёвку. Вальдшнеп — это лесной кулик.

Мы устали, и папа стал искать тягу вальдшнепов, чтобы сразу же после тяги податься в ночёвку. Вальдшнеп — это лесной кулик.

Мы устали, и папа стал искать тягу вальдшнепов, чтобы сразу же после тяги податься в ночёвку. Вальдшнеп — это лесной кулик.

Мы остановились в чаще, в кустах.

— Тут, — говорит папа, — обязательно тут пролетит.

Стало темно, кругом птицы пели как-то по-особенному, по-вечернему. Вдруг загудкали, как тогда днём, тетерева, только очень далеко. Я всё сидел и слушал, а папа стоял с ружьём около куста. Всё темней и темней становилось, и птицы замолкали. И тут я услышал: «Хор-хор-хор...» Всё ближе да ближе... И вижу: прямо на папу летит птица над кустами. Клюв у неё длинный, сама поменьше голубя. Кулик! Вот как папа верно выбрал место! Тут *опять — бух! Бух! Птицу вскинуло вверх, и она быстро, быстро свернула в сторону и улетела. Опять мимо!

Больше уж никто не летел, и так темно стало, что я потерял ножик и нашел его только со спичками.

По болоту и по пахоте мы добрались до деревни и так устали, что проснулись поздно утром. А хотели было и утром поохотиться!

У папы ружьё оказалось бракованное, поэтому он и не попадал. Были неправильно спаяны стволы. А если бы хорошее было ружьё, у нас наверняка была бы добыча.

Сейчас, когда мы снова с папой в Ленинграде, у нас у обоих хорошие ружья и сапоги. И мы опять вместе охотимся.

Никита Чарушин

Ленинград.

Сцена из постановки «По шучьему веленью». Около дома Емели встретились его мать и лисичка, которая сообщает матери, куда ушёл Емели.

Кукольный театр нашей дружины

Мы давно мечтали с ребятами о том, как будем выступать на пионерских сборах и утренниках с какой-то особенной, очень интересной самодеятельностью. И вот однажды, посетив Детский кукольный театр, мы решили:

— А почему бы нам не организовать в школе собственный театр кукол? Не так-то уж сложно сделать куклы и декорации, а артисты всегда найдутся.

Это было год назад. Теперь у нас есть и директор театра и артисты, есть неплохие куклы. Но мы всегда вспоминаем дни «рождения» нашего театра, первую нашу постановку — «По шучьему веленью».

Сколько отчаянных споров было, сколько раз некоторые предлагали бросить эту пустую затею:

— Разве мальчишечье дело — шить куклы? У нас ничего не получится. Да и материалов никаких нет: ни досок для сцены, ни лоскутов, ни фанеры...

— А вы поройтесь-ка дома, — отвечали мы неверующим, — а потом приходите говорить.

Через несколько дней наша мастерская была полна: кто принёс доски, кто — картон и фанеру, кто — краски, кто — бумагу. У каждого дома нашлось немного цветных лоскутков. Мы принялись за работу. Сначала мы прочли сказку, представили себе, какими должны быть герои, распределили роли. Каждый артист делал себе куклу сам. Мы лепили из глины голову, затем обклеивали её мелко нарезанной газетной бумагой. Дав глине высохнуть, мы разрезали бумагу на голове по бокам. Затем вынимали глину, склеивали

голову, и получалась плотная бумажная маска с отверстием внизу для пальцев. Потом мы стали шить костюмы для своих кукол. Они выходили неуклюжие, некрасивые. Уж слишком плохие портные мы были. Никто до этого не брал иголку в руки, разве только пуговиц к пальто пришивал сам. А тут пришлось шить платья, рубашки, мантию царю, сапоги, туфли.

Самыми сложными для нас оказались костюмы царя и царевны. Для их нарядов был нужен очень яркий, блестящий материал, а у нас не было ни шелка, ни парчи, ни бархата. Тогда мы стали раскрашивать масляными красками простой сатин и украшать его цветной бумагой. Мы так увлекались работой, что даже забывали обедать. Пока одни ребята трудились с куклами, другие сделали

А это артист Володя Лысенков со своей куклой. Он управляет лисичкой одной рукой.

Кема Норкин вышел из-за ширмы, чтобы показать ребятам, как он работает с куклой.

двухметровую сцену, которую установили на столе. Под столом должны были сидеть артисты: Емеля — Володя Бычков, мать Емели — Женя Кива и другие. Все женские роли у нас играли мальчики.

Витя Гольберг нарисовал деревню Емели

и царский дворец, Кема Норкин сделал домики, ёлку, колодец, ведра с ногами.

Мы придумали много интересных, забавных сцен. Особенно нравилось зрителям, как у царевны Несмеяны фонтаном лились слёзы из глаз, когда она плакала. Или как у ведер неожиданно вырастали ноги, и они под музыку бежали к дому, плеская воду. Хорошо получилось у нас и с печкой. У неё появлялись огромные колёса, и она, дымя и стуча, медленно двигалась по сцене. Понравилась зрителям и декорация, особенно деревня и дом Емели: старый дом с соломенной крышей, ёлки в снегу, разрушенный колодец, на плетне висят ведра, а на снегу сидит Емеля с гармошкой и поёт песню.

После этой сказки мы приготвили несколько сказок и басен для малышей 1-х и 2-х классов. А сейчас готовим постановку «Ночь перед рождеством» по Гоголю. Теперь нам уже легче работать, потому что мы многому научились. Мы готовим декорации и куклы по заранее нарисованным эскизам, из которых выбираем лучшие. Опять в нашей мастерской с утра до вечера трудятся «художники» и «плотники», опять мы думаем, как лучше сделать ту или иную сцену.

Зрители уже торопят нас, часто прибегают и спрашивают: «Когда же вы покажете что-нибудь новое?»

Руководитель театра,

ученик 9-го «Б» класса

Володя Бычков

Ученик 6-го «А» класса, артист

Володя Лысенков

ЗИМА.

Рис. Юлия Серакулова, село Кува, Молотовской области.

ОБСУДИТЕ НА СБОРЕ ЗВЕНА

Чем я в себе недоволен

Мы нередко слышим о ком-нибудь: «Это надёжный человек, ему нельзя верить» — или: «Какой был славный мальчуган, а вырос пустоват, никчёмник — ни воли, ни характера...»

Иногда говорят: «Такой уж он уродился...» Но едва ли кто-нибудь из вас верит, будто можно родиться ворчуню, обманщиком, сiletником. Говорят ещё: «Видно, так его воспитали». Это, конечно, более существенно. Вы, вероятно, сами замечали, как отражается в характере и поведении ваших товарищей то, что они видят и слышат дома.

Но и это — ещё не все. Разве от нас самих не зависит наш характер? Задумывались ли вы над этим? Спрашивали ли себя когда-нибудь: «Чем я в себе недоволен?»

Ученики восьмых классов двух московских школ недавно написали сочинение на эту тему. Они решили писать всю правду. И восьмиклассники рассказали много такого, о чём, пожалуй, интересно будет узнать каждому.

Один мальчик начал так: «Природа наделила меня одним серьёзным недостатком: у меня нет силы воли. Иногда я прихожу домой с твёрдым намерением прежде всего выучить уроки. Я сажусь и открываю учебник. На первых порах учу внимательно и вдумчиво, но вскоре пруть моя ослабевает. Я решаю отдохнуть. Тут я замечаю на столе у сестры интересную книгу, начинаю листать её, увлекаюсь и не вижу, как бежит время. Опомнившись, смотришь на часы — уже давно пора спать. В другой раз даже план целый составишь и думаешь выполнить его во что бы то ни стало. Но опять не везёт: попался очень трудный алгебраический пример. Бьюсь над ним, бьюсь — ничего не получается. А тут приходит товарищ и говорит: «Давай сразимся в шахматы!» — и я не могу отказаться...»

Автор этого сочинения не одинок, на ту же слабость жалуются очень многие. Десятки работ так и начинаются: «Мой самый главный

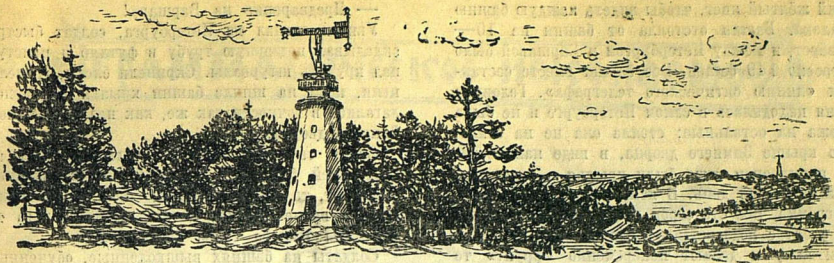
недостаток — отсутствие силы воли». И примеры, которые приводят ребята, очень сходны: начал посещать кружок — бросил, стал было заниматься английским языком — бросил, не хватает усидчивости, настойчивости, чтобы осуществить задуманное, довести до конца начатое дело.

Писали восьмиклассники и о другом. Мальчик, который назвал себя Андреем К., пишет: «Первый, самый главный мой недостаток — это малодушие. Если я получаю плохую отметку, то никак не могу решиться сказать об этом родителям».

А вот что пишет мальчик, полностью подписавший свои имя и фамилию — Володя Диковский: «У меня есть товарищ. Мы вместе учим уроки, вместе ходим на каток и в кино. Мне без него бывает скучно, а ему — без меня. Однажды он получил «5» за сочинение по литературе, но я знаю, что это сочинение написала ему его старшая сестра. По-моему, так поступать — просто подлость, но я не решаюсь ему это сказать. Прошло уже три месяца, а я продолжаю с ним дружить и, видно, ничего не скажу, хотя то, что он сделал, мне противно. Как это назвать, я не знаю, но я очень недоволен этой чертой в своём характере».

А Володя Барышников пишет ещё об одном серьёзном недостатке характера. «У меня есть очень нехорошая черта, — признаётся он, — иногда я отвечаю своей матери грубо, хотя тотчас же мне становится стыдно за свои слова, и я раскаиваюсь. Но «слово — не воробей: вылетит — не поймаешь».

Рассказать вам обо всём, что написали ребята, невозможно. Некоторые жалуются на недостаток храбрости, другие — на отсутствие упорства, настойчивости, третьи — на обидчивость... Но давайте поговорим подробнее о тех недостатках характера, на которые жалуются большинство ребят, и прежде всего о слабой воле.

дили их. Только это были не слитки золота и не алмазы, а нечто более драгоценное: люди искали и находили в книгах клады человеческой мудрости. Пахло старинной кожей, было тихо, только шелестели перелистываемые страницы...

Наконец, мы вошли в помещение, похожее на вырытую в горе из книг пещеру. Опять стол, электрическая лампа под абажуром, луна. Здесь нас встретила довольно молодая женщина. Как и старичок, она была в тёмном глухом халате.

— Деятнадцатый век. Знакомьтесь, — кивнул мне старичок и опустился в кресло; кресло было большое, а старичок маленький, и он сразу потонул в старинных кожаных подушках.

— Вы, вероятно, не прочитали последнее слово на вашей бумажке? — сказала мне женщина улыбаясь. — Хотите дочитать?

И она подвела меня к своему столу. Здесь лежала раскрытая тетрадь. На покоробившейся от времени цвета мамонтовой кости странице я увидел написанные столбиком слова. Знакомый почерк! Та же точно рука, что и на моём клочке!..

А вот и слово, наполовину оборванное. Здесь оно полностью: «Ваза» — «базар». Я перелистал несколько страниц, — на каждой слова столбиком, по алфавиту, и против каждого слова значки из чёрточек. Тетрадь кончалась французским словом «Zodiac», после чего было размашисто порусски написано: «Конец».

— Что же это такое, объясните мне! — попытался я. — Ключок, который я принёс, вырван из такой же самой тетради, это ясно. Но что это за тетрадь?

Тут старичок выкарабкался из кресла. Он хитро подмигнул женщине, и оба они повели меня в соседнюю комнату. Здесь на стенах, под стеклом и в стеклянных витринах, было множество всяких старинных рисунков.

— Вы говорили, что около Пскова, в лесу, обнаружили следы загадочной башни? — сказал мне старичок. — Башня, вы говорите, восьмиугольная? Будьте любезны, посмотрите вот в эту витрину. Не она ли?

— Она! — воскликнул я, едва увидев рисунок. Я жадно прильнул к стеклу. Передо мной был чертёж. Огромная кирпичная башня, суживающаяся кверху и выкрашенная в яркий жёлтый цвет. Тонкими карандашными линиями были обозначены размеры. Старичок мне подал луну, но и без луны я уже разглядел цифру основания восьмиугольника: пятнадцать аршин, то есть те же пятнадцать шагов, которые я вымерял в лесу.

Около башни нарисованы сосны... Насколько же выше деревьев вздымалась эта башня!

Макушка башни с галереей, как пожарная каланча. На галерее солдат, чуть приметная фигурка в длинной чёрной шинели и в фуражке с красным околышем. Что же он делает, этот солдат, — вернее, что он делал, когда был жив и когда стояла эта башня?

— Медной иглой, которую вы нашли, — сказал старичок, — этот солдат чинил своё бельё, ставил заплатки на прорехи. И прятал иголку в стеночку, проколовшав потайное место... А клочок бумажки для иголки, бедняга, по неразумению, вырвал из секретной тетради у офицера. Должно быть, новобранец — не завидую его судьбе, — всыпали ему! Солдатам ведь полагалось заезть только значки, вот эти, из чёрточек, а что обозначала каждая комбинация чёрточек, какое именно слово, — то ведали офицеры.

Старичок посоветовал мне рассмотреть повнимательнее устройство на башне. Тут был шпиль с поперечным коромыслом и железными крыльями-ми. Мельница — не мельница, что же это такое?

Вместо ответа старичок посадил меня за стол и дал мне старинные книги.

Теперь я могу сам рассказать, что это за башня.

Разверните карту. Положите на карту линейку так, чтобы она соединила Ленинград и Варшаву. На эту линию попадёт и Псков. Так вот, большая ста лет назад вдоль тракта Петербург—Псков—Варшава стояли огромные башни, все одинаковые, все из кирпича, выкрашенные в

яркий жёлтый цвет, чтобы видеть каждую башню издали. Башня отстояла от башни на 10—12 вёрст, и между Петербургом и Варшавой было построено 149 башен. Все башни вместе составляли «линию оптического телеграфа». Головная башня находилась в самом Петербурге и не была похожа на остальные: стояла она не на земле, а на крыше Зимнего дворца, в виде павильона. Над павильоном тоже были крылья — семафоры.

Тихо. Ясный день. В ясный день может быть телеграмма. Все сто сорок девять солдат на башнях стоят с подозрными трубами. Солдаты стоят навтыяжку и делают попеременно «фрунт» то Петербургу, то Варшаве. Станет солдат лицом к Петербургу, приложит трубу к глазу и всматривается, не шевелится ли крыло на соседней башне. Потом повернётся через левое плечо, приделает каблуками — и глядит, нет ли шевеления крыла со стороны Варшавы. И опять солдат меняет «фрунт», поворачивается к Петербургу.

Тихо. Но вот над павильоном Зимнего дворца зашевелились крылья. Крыло семафора постояло минуту торчком. Потом, взмахнув на горизонтальной оси, обернулось кондом вниз. Потом крыло вытянулось в сторону — и замерло: Петербург поднял сигнал: «Предварение на Варшаву». В Варшаве сидел наместник царя, граф Паскевич.

«Телеграфические солдаты» слов телеграфа не ведали; солдаты знали только значки, чтобы складывать их из крыльев семафора.

— Предварение на Варшаву!

Увидев сигнал из Петербурга, солдат быстро складывал подозрную трубу в футляр и приступал крутить штурвалы. Скрипели блоки, тремели цепи, пока на шпигле башни крылья не располагались в точности так же, как над павильоном Зимнего дворца.

Вслед за этим поднимал сигнал солдат на следующей башне. И так — башня за башней ропещут, то есть повторяют, сигналы... Сколько же это времени будет лететь от Петербурга до Варшавы каждое слово телеграма?

Солдаты на башнях вышколенные, обученные грамоте, и работали они с быстротой необыкновенной: случилось, что телеграмма, поданная в Петербурге, уже через полчаса была в Варшаве.

Но телеграф этот был устроен только для царя. Да и царская телеграмма могла уйти далеко не каждый день.

Хорошо — ясная погода! А много ли ясных дней вблизи Балтийского моря? Вот и висит, бывало, сигнал где-нибудь на промежуточной башне вместо пяти минут и день и два, а то и всю неделю...

В таких случаях телеграмму передавали фельдегерю, и мчалась она из Петербурга в Варшаву на тройке лошадей.

Телеграф с электрическими проводами появился в России во время Крымской войны.

Вот что я узнал благодаря старинной солдатской иголке и клочку истлевшей бумаги.

Постройка Кремля при Иване Третьем

Московские князья Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван Третий собирали вокруг Москвы разрозненные русские земли, и постепенно Русь превратилась в мощное единое государство. В конце XV века Иван Третий решил перестроить Кремль, воздвигнуть новую неприступную твердыню. Строительство кремлёвских укреплений быстро двигалось вперёд, и Кремль превратился в мощную крепость, одну из самых совершенных оборонительных построек того времени.

Толстые стены высотой почти в двадцать метров окружили кремлёвский холм. Сплошной ход, проложенный в толще стен, давал возможность безопасного передвижения по всей линии укреплений. Высокие башни держали под обстрелом все подступы к Кремлю. Это были сплошные каменные громады, без внутренних лестниц. Только снаружи, по приставной лестнице, можно было попасть на верхние площадки башни, где стояли тяжёлые орудия московской артиллерии. Неприятель, даже проникнув в стены Кремля, не мог подняться на башню и захватить её защитников.

Стены и башни Кремля с двух сторон защищались реками — Москвой и Неглинной. С третьей стороны, вдоль Красной площади, выкопали ров глубиной в двенадцать метров. И Кремль превра-

тился в остров, со всех сторон окружённый водой. Через ров и реку Неглинную были перекинуты подъёмные мосты, защищённые решётками, которые опускались при проезде через мост. Перед мостами были выдвинуты башни.

Но Кремль защищался не только водой и надземными сооружениями. «Тайники» — глубокие подземные улицы — расходились сложной паутиной. «Слухи» — пути подземных дозоров — выводили далеко за стены Кремля. Они могли тайно вывести его защитников из осаждённой крепости, могли их привести в тыл не ожидавшего нападения неприятеля. Подземные каменные трубы доставляли воду, наполняли бассейны, скрытые в башнях.

В этом номере нашего журнала напечатана гравюра художника Баранского. На ней изображено строительство самой высокой и самой мощной кремлёвской башни — Собакиной башни. Позднее она стала называться «Угловой Арсенальной». Искусные зодчие воздвигли башню над родником, не иссякающим до нашего времени. Этот родник должен был давать воду защитникам Кремля.

Красивые острокопечные верхи, которые возышались на кремлёвских башнях теперь, построены лишь в семнадцатом веке, в то время, когда Кремль уже не имел военного значения.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ИСКОПАЕМОЕ

Л. Успенский

от перед вами фраза: «Спустя два часа три полка построились в четыре ряда».

Установите, что это за падежи «часа», «полка».

— Обыкновенный родительный падеж, — ответите вы.

— А какого числа?

И вы остановитесь в недоумении. На самом-то деле: часа — два, полка — три, а ряда даже четыре. Значит, это никак уже не может быть единственным числом. А с другой стороны, как склоняется слово «час»? Часы, часов, часам, часы... Ничего похожего на «часа» там нет.

Побившись вдесять над этим вопросом, вы можете прийти к убеждению, что «часа» — это «никакой падеж неведомого числа». Однако это — явное лингвистическое малодушие. В языке не бывает «никаких» чисел и падежей. «Никакими» делает их только наше незнание языка, незнание его прошлого.

Дело в том, что среди других, обычных форм русского склонения форма «часа», «ряда» является таким же удивительным пережитком древних времён, как какая-нибудь ящерица гаттерия, современница гигантских ящеров глубокой древности, среди других ящеров сегодняшнего мира.

Когда-то, несколько сот лет назад, в русском языке, кроме единственного и множественного чисел, было ещё и «двойственное». Сначала оно применялось при всех числительных от двух до четырёх; потом его стали относить только к парным предметам. Можно было сказать «десять палками», но надо было говорить «обеими руками», «двема очима». В первом случае, при разговоре о десяти предметах, употреблялось множественное число, во втором, когда речь шла о парах, применяли двойственное.

Теперь эта форма давно исчезла. Однако в нашей современной речи лингвисты обнаруживают кое-какие следы её существования.

В самом деле, сравните выражения: два брата — пять братьев; три дерева — одиннадцать деревьев; четыре птицы — сто птиц.

Почему при всех числительных после четырёх мы видим одну форму существительных (родительный множественно-

го), а при числительных два, три, четыре — совсем другую? А это действует на нашу речь давно вымершее двойственное число!

Отпечатки этого «лингвистического ископаемого» сохранились и в немногих русских словах, вроде «воочию». Эти слова образовались из двойственного числа соответствующих слов (воочию — в двух глазах). Такая форма, как «двумя», «тремя», «четырьмя», тоже родилась из двойственного числа. Все мы пользуемся этими словами, но почти никто не знает, откуда они взялись.

Так за эти несколько сот лет изменился язык, изменились и способы продумывать и выражать в слове свои мысли.

М А Р Т

Юрий Ховин

В последний раз
Скатись с горы высокой
И санки спрячь до будущей зимы!
Весёлый март проходит по дорогам,
Вдали темнеют снежные холмы.
Уже узоры
С окон смыло солнце,
Уже травой запахло от земли.
Поставь ведро на скользкий край колодца —
В нём облака плывут, как корабли.

А в звонкой кузне —
Золотое время! —
Со скрипом летят грузные меха,
И алые, как легушинный гребень,
Из горна вынимают лемеха.
Скворца с семейством
Ждёт давно скворешня,
Снимают шубы снежные сады.
Наверно, завтра выйдет март на речку,
И гулко заворочаются льды.

Для школьного сада

Наш дом лет десять тому назад стоял на открытом месте, а сейчас вокруг него сад. В нём есть яблони, вишни, малина и много других деревьев. Клён, рябина, крушина и спирея выросли на моих глазах: мы их сажали вместе с папой семь лет тому назад. С тех пор я стал виноватом.

В сорок пятом году я сам посадил шесть яблонь: две Антоновки, две — сорта Штрейфлинг и две — Коричное полосатое. Все они принялись. Пройдёт ещё года три-четыре, и на моих яблонях появятся яблоки.

Но я посадил не только яблони. Год назад я раздобыл шесть новых сортов земляники и весной посадил их в своём саду. Ранние сорта — Комсомолка и Рошинская — уже дали небольшой урожай, и я собрал семена. В конце февраля я положил их в баночку с влажным песком и поставил в подпол. К весне они прорастут, и я высажу их. К осени из этих семян вырастут кустики, но без ягод. Ягоды появятся в следующем году. Кустики, на которых ягоды будут сочные и крупные, я оставлю, а малоурожайные с мелкими ягодами — вырву.

Есть у меня совсем новый сорт поздней земляники — Люцида-префекта. В прошлом году я посадила пятнадцать кустиков. Весной этого года я размножу этот сорт усяками. Как только тает снег и потеплеет, я взрыхлю и замульчирую солоmistым навозом почву и высажу в неё усяки.

Мне давно хотелось привить яблоню к рябине и посмотреть, что из этого получится. Осенью мне удалось это сделать. Прививка прижилась, весной начнёт расти побег.

У меня уже в привычку вошло каждый год делать что-нибудь новое в своём саду. В этом году, как только начнёт таять, я сделаю парник, чтобы вырастить рассаду ранних помидоров и капусты. У меня их ещё не было.

На эту же весну мы — Илья Андреевич Самойлов, директор станции юных натуралистов, и все юннаты нашего посёлка — задумали замечательное дело: мы посадим около нашей школы фруктовый сад и декоративные деревья. Из своего сада я принесу в школу черенки яблонь, кусты малины и смородины, землянику и цветы.

Женя Фомин,
ученик неполной средней школы ст. Крюково, Октябрьской жел. дор.

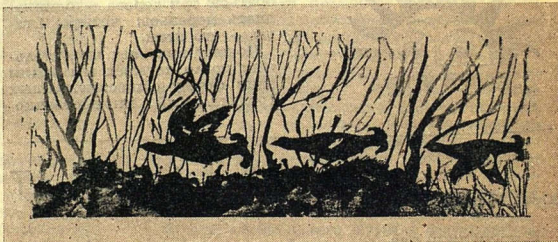
Моя первая охота

Наступила настоящая весна. Снег остался только под заборами и в других самых тёмных местах. А на улицах, на мостовых не растаяло только грязные кучи льда, сколотого с тротуаров зимой. Солнце так здорово припекало днём, что я даже загорел.

Мой папа всё поглядывал на небо и всё вздыхал.

— Ты что, папа, всё вздыхаешь да вздыхаешь? — спросил я.

А он говорит:

— Ты присмотрись-ка, над нашим городом проходит весенняя дорога гусей и уток.

И верно, я в этот же день увидел, как над городом летели угитые треугольники — утки, а один раз видел и гусей. Они летели длинной полосой, как папа говорит, вожжой тянулись. Эта вожжа летит медленно и колы-

хается. Как я их повидал, так мы с папой только об охоте и стали говорить.

Из двух ломаных берданок папа сложил мне одну целую 32-го калибра и зарядил десятью патронами. Себе папа тоже достал двучстволку, только очень плохую. А сапоги нам дали знакомые. Мы тогда были эвакуиро-

На первой странице было написано: «Никогда не думайте, что вы уже всё знаете. Павлов».

— Кто это — Павлов? — спросил Дуся.

— Не знаю, — пожал плечами Тропиночкин, — может быть, это он самый и есть, чья это книжка.

Но на другой странице значилось: «Если человек не привык к дисциплине и порядку, с ним нельзя воевать. Макаров».

— Вот видишь, — сказал Дуся, — может быть, он вовсе не Павлов, а Макаров.

— Тут ещё что-то написано, — заметил растерянно Тропиночкин.

«Это надо внушить Метелицыну», — прочёл Дуся.

— Метелицын? — оживился Тропиночкин. — Это, знаешь, кто Метелицын?

— Кто?

— Помнишь, в столовой мы «двоечника» видели, угрюмый такой, позади всех стоял без поговов?

— Помню, — прошептал Дуся, сразу вспомнив тяжёлый и печальный взгляд, которым посмотрел на него Метелицын.

«Значит, они из одной роты», — догадался он.

Дальше в книжечке была записана «Песня черноморских моряков». Стихи оказались им не очень сладкими, и они их не читали. Потомшло какое-то расписание классных занятий. Потом было написано: «С Пороговым лучше не дружить: думает, если у него отец — генерал, то ему всё позволят». Потом были пустые листки. Дальше был нарисован парусник и большой руль в двух разных поворотах и внизу подписано: оверштаг, фордевинд. Но дальше на листкешла запись, от которой в груди у Дуси остановилось дыхание и он еле передохнул.

— Видишь? — спросил он Тропиночкина. — Вот прочитай: «В случае встречи с неприятелем, превосходящим нас в силах, я атакую его. Адмирал Нахимов».

И дальше внизу: «Прекрасный вывод! Из наших офицеров ему следовали: Талалихин — лётчик, Осипов — катерник, Парамонов — подводник и другие».

— Поял теперь? — спросил Дуся, и в голосе его было такое волнение, что Тропиночкин даже растерялся.

— Чего ты? — спросил он. — Что тут такого?

— Чего? — удивился Дуся. — Ты разве не видишь? Тут про моего отца написано.

— Где?

— Ну вот же, читай: подводник Парамонов. Тропиночкин прочитал запись второй раз.

— Почему ты думаешь, что это про твоего отца написано?

— Потому что знаю, — сердито сказал Дуся.

Он знал от бабушки и тёти Лизы, что отец погиб в неравном бою, смело напав на большой отряд вражеских кораблей. И он чувствовал, он был глубоко уверен, что тут, в книжке, сказано про отца, но объяснить всё это Тропиночкину он почему-то не мог.

— Пойдём, — сказал он, подымаясь, — нам уж, наверно, пора.

Тропиночкина, видимо, озадачил вид Дуся, и он молча пошёл рядом с ним по берегу. Они уже достигли пирса и стали подыматься по тропинке к лагерю, как вдруг тот самый чернявый коренастый нахимовец, что утром говорил о Дусе, будто он не знает ещё, откуда и солнце восходит, появился на дорожке и закричал куда-то вниз, сложив ладони рупором:

— Раутский, куда же вы пропали? Вас к дежурному офицеру зовут!

— Иду! — откликнулся совсем близко в леске недовольный голос, и второй утренний знакочел Дуси появился из-за деревьев.

— Нигде нет! — бормотал он сердито. — Будто сквозь землю провалился!

— Да полно тебе сокрушаться, — без всякого сочувствия заворчал на товарища чернявый. — я тебе, как вернёмся в город, хоть пять таких книжек достану!

— Отстань, ты не знаешь, в чём дело! — сказал его товарищ, и красивое лицо его показалось Дусе полным самого глубокого огорчения.

«Он, наверно, книжку свою ищет», — подумал Дуся и, достав из кармана свою находку, нерешительно протянул её молодому моряку.

— Это не ваша? — спросил он робко.

— Ну, вот же она, конечно, моя. — юноша весь просветлел. — Где вы её нашли?

— Там, на берегу, где вы утром купались, — сказал Дуся.

Ему хотелось спросить у этого юноши про своего отца, но чернявый стоял тут же и всё тормошил товарища за рукав:

— Да идёте же, Раутский, ведь вас ждут!

— Сейчас, сейчас! Ну, спасибо тебе большое. — и Раутский протянул Дусе руку.

Рука у него была сильная, горячая и сухая. Затем он кивнул головой Тропиночкину, повернулся и пошёл вверх, всё ещё разглядывая книжку.

(Продолжение следует.)

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

Кохтла-Ярви — небольшой рабочий посёлок на севере Эстонии. До сих пор сохранилось предание о том, как впервые появились здесь при Петре Первом русские переселенцы.

Неприветливо встретила эта земля русских крестьян. Суглинистая почва, покрытая чахлой растительностью, пронзительные балтийские ветры, от которых негде было укрыться. Гиблое место. Недаром оно и называется Кохтла-Ярви — гнилое болото.

Пришельцы стали устраиваться. Издалека возили лес, из плотного камня, пластами выходящего на поверхность земли, складывали печи. Вскоре в пустынной местности забелели избушки переселенцев. Хозяйки развели огонь в печах. И вдруг, к великому ужасу новосельцев, вместе с дровами стали загораться самые печи. Горел камень! Так, по местным преданиям, люди впервые узнали, каким чудесным свойством обладают серые камни, лежащие у них под ногами.

Миллиарды тонн сланцев веками лежали без пользы в земле. Только после воссоединения с Советским Союзом эстонский народ смог разрабатывать природные богатства своей земли. В июне 1945 года, через месяц после окончания войны, наше правительство вынесло постановление о разработке прибалтийских сланцев. Три больших завода будут вырабатывать из сланцев газ. Через реки, болота и скалы проложат трубы газопровода — до самого Ленинграда. Газом будут отапливаться заводы и фабрики, бани и прачечные. 275 тысяч ленинградских квартир получат сланцевый газ. По железным дорогам не придётся больше перевозить дрова и уголь. Очистится

от гари воздух большого города.

Полным ходом идёт строительство завода. И рядом с производственными корпусами вырастает новый город. Человек, который придет в Кохтла-Ярви в 1950 году, увидит вместо небольшого рабочего посёлка большой благоустроенный и культурный город.

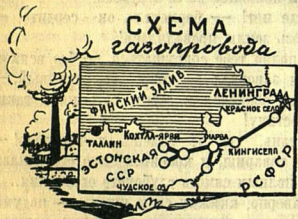
ВРАГИ КИТОВ

Недавно в газете «Вечерняя Москва» появилось сообщение о том, что на Южном Сахалине, возле города Лесогорска, море выкинуло на берег огромного кита-полосатика, израненного касатками. Длина этого кита — 19 метров, весит он 20 тонн. Это сообщение заинтересовало многих. Что это за касатки и как они могли напасть на такого огромного кита?

Киты — самые крупные животные на земном шаре, они достигают 30 и даже 33 метров в длину и весят более полутора тонны. Сколько весят вместе 30 взрослых слонов. Но зубов у кита нет, и питается этот великан самыми мелкими животными: морскими червями, моллюсками, рачками. Зато глотает их кит сразу целые миллионы.

Откроет он огромную пасть, в которой может поместиться целая лодка с гребцами, и мчится по воде. Вместе с водой в пасть, как в ворота, попадает масса мелких морских животных. Когда кит почувствует, что во рту набралось много добычи, он захлопывает пасть. Вместо зубов с верхней челюсти кита свисают густой щёткой роговые пластинки — «китовый

СХЕМА газопровода

ус». Вот через эти пластинки кит и отцеживает свою добычу. Воду выпустит, а всё, что во рту осталось, проглотит. Даже крупную рыбу кит не может съесть: глотка у него узкая, а разорвать добычу на куски нечем.

Кто побывал на Чёрном море, наверно, видел дельфинов. Дельфины — зубастые киты. Самые крупные дельфины живут в северной части Атлантического и Тихого океанов и в Ледовитом океане. Это и есть касатки. Касатки — настоящие морские разбойники. Плавают они очень быстро, преследуют рыбу и тюленя, а нередко нападают и на огромных беззубых китов. Завидев кита, касатки окружают морского великана и своими острыми зубами впиваются в него. Редко удаётся киту спастись от врагов. Поэтому касаток и прозвали «убийцами китов».

ЛЕДЯНЫЕ СКЛАДЫ

Есть народная русская сказка о зайце, который построил ледяную избушку, растаявшую под первыми лучами весеннего солнца.

Оказывается, избушка растаяла оттого, что заяц неумело её построил. В наше время изо льда строят огромные хранилища, и они не тают всё лето.

Ледяные склады строятся целиком изо льда, только входные тамбуры сооружаются из обычных строительных материалов. Сверху лёд покрывают опилками, шлаком, торфом, мохом и другими нетеплопроводными материалами, они и защищают ледяные склады от таяния.

Круглый год в складах поддерживается температура ниже нуля. Когда температура повышается, ледяной пол посыпают обыкновенной поваренной солью, и в помещении делается холоднее.

В прошлом году такие ледяные склады были построены в Киеве, Харькове, Днепропетровске, Сталино и других больших городах. В Москве уже есть четыре таких хранилища и столько же будет построено нынешней зимой.

ЧУДЕСНЫЙ ЗАВОД

Вы все, ребята, представляете, что такое заводы, на которых изготавливаются различные машины, электрические приборы, инструменты и множество других предметов, нужных человеку. А слышали ли вы о заводе, «изготавлиющем» миллионы живых рыбок? Такие заводы есть у нас на Дальнем Востоке и на Камчатке.

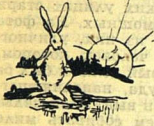
Недалеко от станции Бирокан, Хабаровского края, есть маленький разъезд «Тёплое озеро». Называется он так потому, что недалеко от него находится незамерзающее зимой озеро. Каждую осень в это озеро из Охотского моря устремляются косяки крупных серебристых рыб — кеты. Кета идёт в озеро нереститься — метать икру. Икра кеты боится морозов, и Тёплое озеро — самое подходящее место для нереста. Рыба валом валит в озеро, запружая все реки. После нереста она не возвращается в море. Истратив все жизненные силы, она погибает.

Как использовать эту огромную массу рыбы, не повредив её потомству?

Люди придумали, как это сделать. У самого входа в озеро устроили решётчатые ловушки, не пропускающие кету в озеро. У решётки скопляется так много рыбы, что её можно вылавливать большими сачками. Пойманную рыбу оглушают ударом дубинки и подают на разделочный стол. Нужно быть очень хорошим специалистом, чтобы быстрым и точным движением руки, не испортив ни одной икринки, вспороть живот рыбы и выбросить икру и молоки в тазы. Через несколько секунд оплодотворённую икру раскладывают на эмалированные проволочные решётки — так называемые рамки Аткинса. Рамки ставятся в особые помещения, где их всё время омывает озёрная вода.

Через сто дней из икринок вылупятся мальки. До весны они проживут в питомнике, а весной, когда сойдёт лёд, реки унесут их в море. И только через несколько лет они снова вернутся сюда метать икру.

Вот так такое рыбный завод. Один теплоозёрский завод в этом году, по плану, должен вырастить двадцать миллионов мальков кеты.

П А Р И Ж

Ольга Чечёткина
Фото М. Калашниковой

На улицах Парижа

Париж — один из самых красивых городов в мире. В нём много прекрасных зданий, дворцов и музеев, много памятников. Особенно хорош Париж весной, когда дома тонут в пышной яркой зелени и становятся незаметно, как обветшалые они за время войны.

Вот перед вами один из уголков Парижа. На переднем плане слева знаменитый собор Парижской богородицы, о котором вы, наверное, читали в романе В. Гюго. Дальше видна Сена. По набережным Сены можно бродить часами, любясь её зеленовато-голубой водой, её бесчисленными мостами. Пожалуй, самый величавый из них — это мост Александра III, построенный на деньги, которые русский царь пожертвовал городу Парижу. Поблизости от этого моста находится красивейшая площадь Парижа — площадь Согласия, та самая, где казнили Людовика XVI. Недалеко отсюда и до Елисейских Полей — широкой улицы с рядами высоких платанов и клёнов.

Но в этом городе, большом и красивом, вы увидите и такие жалкие лагуги, такую беспробудную нищету, какую трудно себе представить. В рабочих районах — Иври, Сент-Дени, Обервилье — на Монмартре, где живут бедные художники, артисты и музыканты, — бедность бьёт в глаза. Но и в богатых квар-

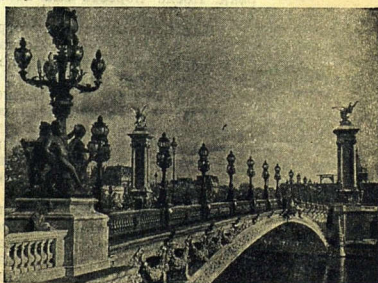
талах — стоит только побродить по ним, приглядеться к пёстрой уличной толпе — вы увидите, что жизнь города построена на страшных противоречиях.

Прекрасный Париж полон грустных картин. На его нарядных улицах много бедняков, много людей, которые не знают, что их ожидает завтра. Вы можете увидеть здесь художника, прямо на плахах тротуара рисующего картину. Вокруг останавливаются любопытные. А художник закончит картину, потом смоеет её водой и начинает рисовать новую. Зачем он это делает? Он просит подаяния. Во Франции, так же как и в Англии, как, впрочем, во многих капиталистических странах, просить милостыню запрещено. Таков закон. И вот художник делает вид, что он не просит: он работает, рисует картину. Но картина эта никому не нужна... Тут же, на тротуаре, рядом с обречённой на немедленное уничтожение картиной лежит шапка. Прохожие бросают в неё медяки.

Очень много на парижских улицах стариков, обнищавших и беспомощных. На фотографии вы видите одного из них, уличного музыканта. Вот он стоит, человек, которому давно пора на покой, который должен был бы отдыхать от тяжёлого труда, наполнившего всю его долгую жизнь. А он вынужден целый день под палящим солнцем собирать милостыню. Правда, он тоже не просит, он не скажет вам, что голоден, но рядом с ним, как и рядом с художником, лежит его **шляпа**. Сколько монеток упадёт в неё за день? Хватит ли их на то, чтобы старик мог купить себе хлеба? Кто знает!..

Такова судьба не только стариков, но и многих молодых, полных сил людей. И им, может быть, ещё тяжелее.

Около магазина Бомарше — одного из самых шикарных парижских магазинов, хозяева которого владеют огромными капиталами, — я изо дня в день видела девушку со скрипкой. Мне казалось, что это слепая: девушка играла, низко опустив голову, не глядя по сторонам. Но однажды я проходила мимо вечером. Магазин запылился. Девушка как раз уходила домой. И я увидела: она вовсе не слепая, она никогда не поднимает лица, потому что стыдится своего униженного положения.

Мост Александра III в Париже.

Помню я и другого человека. Этот был на самом деле слепой, инвалид войны. Обычно я встречала его в метро. Он торговал газетами. В Париже по вечерам, когда выходят газеты, около типографий и редакций собираются большие группы газетчиков. Получив киши свежих газет, они разбегаются по всем улицам и на бегу громко выкрикивают новости. Каждый старается, чтобы события дня казались как можно интереснее: ведь от того, сколько газет будет продано, зависит заработок. Слепому трудно соперничать с другими газетчиками, ему трудно даже просто перейти улицу, найти вход в метро, войти в вагон. Но он должен заработать себе на жизнь. И вот он ходит и ходит, постукивая перед собой палкой, выкрикивая названия газет, никому не нужный, одинокий в этом огромном городе. И это инвалид войны, солдат, сражавшийся за Францию!

Это химеры на соборе Парижской богородицы. Вдали видна Эйфелева башня.

В Тюильрийском парке и в Обервилье

В парке Тюильри всегда играют дети. Это чудесный парк с прекрасными статуями, с большими круглыми бассейнами, где дети пускают игрушечные кораблики. Мальчики приносят сюда с собой великолепно сделанные модели моторных лодок и парусных яхт. На яхтах развеваются яркие флаги. Иногда здесь происходят целые морские сражения. Здесь всегда шумно, интересно, весело. Все дети здесь нарядно одеты. Это дети богатых людей, живущих поблизости, владельцев магазинов, заводов, фабрик. В парке Тюильри никогда не встретишь бедного, плохо одетого ребёнка.

Но есть в Париже и совсем иные кварталы. В них тоже живут дети. Вот тут, в журнале, на странице 35, рядом с фотографией мальчиков, играющих в парке Тюильри, вы видите других мальчиков, детей рабочих. Они живут в Обервилье. Это рабочий район. Улицы там узки, как щели. Солнце редко заглядывает в них. В тёмных дворах пахнет сыростью. В Обервилье я тоже видела, как малыши искали кораблики. Это были самодельные,

бумажные кораблики, и плавали они в грязной луже. Других игрушек у ребятшек в Обервилье нет. Здесь живут на очень скудные средства. С одним мальчиком — его зовут Поль — я разговорилась. Отец Поля — рабочий на заводе Рено, на большом автомобильном заводе. Семья страшно нуждается. Особенно трудно с квартирой. Живут они в убогой каморке, а платить за неё приходится страшно много. Расход на квартиру — самый большой расход у парижан — 30—35 процентов заработка рабочего идёт на жалкую лачугу. И это — ещё счастье, если она может её оплатить. Много рабочих семей живёт в землянках, в сарайчиках, в старых вагонах. Очень рано — в 12—13 лет — ребятам бедноты приходится думать о заработке.

Но получить работу очень трудно.

На площади Согласия, у входа в метро, торгует цветами молодой человек в военной форме. Это демобилизованный. Он не нашёл работы. И их очень много — молодых людей, сражавшихся с немцами, отличившихся в боях, а теперь, когда они вернулись домой, оказавшихся безработными.

Франция после войны

С окончанием войны жизнь во Франции не стала спокойной и мирной. Там идёт очень серьёзная политическая борьба.

Вы знаете, что в 1940 году, когда

Уличный музыкант.

А это Пантеон. Здесь покоится прах Вольтера, Золя, Виктора Гюго и других великих людей Франции.

немцы напали на Францию, правительство, буржуазия, стоявшая у власти, объявили Париж открытым городом. Они сдали его без боя, потому что боялись своего народа больше, чем немецких фашистов. На освобождение же Парижа поднялись прежде всего рабочие. Поднялись те, у кого нет ни заводов, ни роскошных домов, но кто любит Париж и Францию большой сыновней любовью.

Улицы города покрылись баррикадами. Мужчинам помогали отважные французские женщины и дети. Парижские мальчишки подносили патроны и держали связь между командирами отрядов и штабов. Они называли себя Гаврошам, по имени бессмертного маленького героя Гюго.

Париж был освобожден.

После войны те, кто отдал Париж немцам, сначала пришли. Однако прошло время, и реакционеры стали поднимать голову. Они хотят вернуть французский народ к той жизни, которой он жил до войны, обречь рабочих на бесправие и бедность.

Но французский народ уже не тот. Он многое узнал и понял за эти годы. Очень выросла и окрепла французская коммунистическая партия. Она пользуется большим дове-

рием народа. Народ видел во время войны, что коммунисты были всегда впереди, всегда на самых опасных местах. Народ видит теперь, что это единственная партия, которая на деле борется за его интересы.

Четыре года Франция была под игом немцев, они ограбили, разорили её. Французский народ занят сейчас возрождением своей страны. Кто больше всего заботится об этом? Кто думает о судьбе народа, о том, чтобы дети могли ходить в школу, чтобы у молодежи была работа, чтобы старикам не грозила нищета?

Те же, кто возглавлял Движение сопротивления немцам, — коммунисты Франции. Коммунисты очень много сделали для восстановления хозяйства. Вот, например, уголь. Он был в первую очередь необходим для того, чтобы пустить заводы. А почти все шахты стояли после оккупации. И вот в угольный бассейн Франции, в Па де Кале, приехала секретарь французской коммунистической партии Морис Торез. Морис Торез — сам рабочий-шахтёр. Много лет работал он в шахтах Па де Кале. Французские рабочие знают его и верят ему. И когда Торез собрал шахтёров и сказал им: «Давайте восстанавливать шахты», — шахтёры немедленно взяли за работу. По целым суткам не поднимались они наверх. Они ставили крепления, откачивали воду; сейчас в Па де Кале добывается столько же угля, сколько и до войны.

Коммунисты — единственная партия, которая требует передачи всех заводов, банков, железных дорог государству. Они уже добились национализации транспорта и угольной промышленности, а частично и металлургической. И они продолжают борьбу потому, что только таким путём можно восстановить хозяйство, только так можно добиться, чтобы заводы работали полным ходом, чтобы у всех была работа.

Коммунисты очень много делают для детей. Они заботятся о том, чтобы дети учились, отправляют за город, в лагеря тех ребят, родители которых не в силах вывезти их на дачу. Коммунистам помогает передовая молодёжь. Я видела, как юноши и девушки, члены Союза республиканской молодёжи Франции, организованного в 1944 году из комсомола и других передовых молодёжных организаций, делали игрушки, а потом продавали их. На вырученные деньги отправляли ребят куда-нибудь к морю или просто в деревню.

Те, кого никогда не забудут

В центре Парижа, под Триумфальной аркой, вечно тлеет огонь: никогда не гаснущее лёгкое пламя вырывается из красивой чаши. Это пламя над Могилой Неизвестного Солдата. На медной плите написано, что она установлена в память о солдатах, отдавших жизнь за Францию во время войны 1914—1918 годов. Теперь рядом лежит вторая плита — в честь погибших во время этой войны, в тех же, кто освободил Париж от немцев.

Могилы Неизвестного Солдата — священное место для всех французов. Но 24 августа,

когда парижане празднуют день своего освобождения от немцев, мы увидели ещё один памятник, который трогает сердце не меньше, хотя это всего-навсего скромная маленькая дощечка.

Мы шли по улице до Бак. Много раз проходили мы по ней раньше, но только сейчас заметили на одном доме доску с надписью, что здесь во время востания против немцев погибли два молодых француза. Два не известных никому человека отдали здесь жизнь за то, чтобы французский народ был свободен; и вот в день 24 августа кто-то, тоже неизвестный, поставил цветы перед этой дощечкой. Потому-то мы и обратили на неё внимание. Эти цветы, эта скромная надпись говорят о том, что парижане хранят любовь и благодарность к людям, которые освободили Париж.

Имена некоторых из этих героев навсегда вошли в историю города.

Недавно по почину коммунистов в Париже выстроили новую линию метро. Одна станция на ней носит имя Ги Моке.

Ги Моке было всего восемнадцать лет, когда он погиб. Он был членом подпольной комсомольской организации, действовавшей против немцев. Однажды фашисты выследили и арестовали несколько человек, в том числе и Ги Моке. Их долго пытали, чтобы узнать, кто руководит группой. Но ни один из них не выдал товарищей. Перед казнью Ги Моке написал письмо, обращённое к французской молодёжи. Он написал: «Вы, кто остаётся жить, будьте достойны нас, идущих сейчас на смерть». Эти слова знает теперь каждый ребёнок во Франции.

Когда Париж был освобождён, Ги Моке посмертно наградили орденом Почётного легиона. Память его глубоко чтят французы.

Большим уважением пользуется во всей Франции и имя полковника Фабиана. А между тем несколько лет назад никакого полковника Фабиана не существовало. Был комсомолец Пьер Жорж. Девятнадцати лет он уехал в Испанию и там, поступив в Интернациональную бригаду, сражался с фашистами. Он отличился в боях и стал командиром батальона. Тяжёлая рана заставила его вернуться во Францию. Когда началась война, когда немцы захватили Париж, Пьер Жорж был секретарём парижского комсомола. В те дни газета передовой французской молодёжи «Авангард» выходила нелегально. Пьер Жорж и его товарищи печатали эту газету. Немцы схватили их. Но никакими пытками они не могли сломить мужества молодых героев. Когда готовилась уже казнь, группе товарищей удалось спасти Пьера Жоржа во время налёта авиации союзников. Он ушёл в партизанский отряд. Здесь-то ему и дали имя—Фабиан. И снова он стал бороться с врагами своей родины. Он участвовал в боях за освобождение Парижа, потом был во французской армии и получил звание полковника.

В самом конце войны полковник Фабиан погиб на поле боя. Именем этого замечательного человека, этого народного героя названа одна из парижских улиц.

Уголок площади Сталинграда и вход в метро.

Площадь Сталинграда

Рядом с улицей имени полковника Фабиана есть большая красивая площадь. Парижане назвали её в честь города-героя, который стал символом победы над фашистской Германией, в честь нашего города, ребята. Это площадь Сталинграда.

Мне трудно даже передать вам, какое радостное волнение испытывала я всякий раз, проходя тут, думая о великой связи, соединяющей всех свободолюбивых людей всего мира.

Французский народ с уважением относится к русскому народу. Каждое слово о Совет-

ском Союзе встречаются во Франции с огромным интересом.

Однажды в одном из районов, где добывают руду, мне случилось побывать в шахте. Шахта эта очень глубокая и длинная. К тому месту, где работали, надо было ехать в вагонетке. При свете маленьких шахтёрских лампочек мы сели в вагон со скамейками по стенам, такой узкий, что мы упирались коленями друг в друга. Мой сосед приподнял свою лампочку, и я увидела вдруг на противоположной стене вагонетки надписи на русском языке. Русские буквы здесь, во Франции, глубоко под землёй! Конечно, я сейчас же попросила осветить мне. Тотчас поднялись фонарики, и я прочтала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Когда по просьбе французов я перевела эту надпись, один старик-шахтёр сказал:

— Какие чудесные люди — русские! Ведь это написал кто-нибудь из русских военнопленных. Немцы принесли их сюда во время оккупации. И вот далеко от родины, далеко от семьи, на страшной немецкой каторге, они думали не о своём спасении, а о всех нас, о рабочих всего мира!

Много раз я слышала и потом, как французы с восхищением говорили о советских людях, о их большой душе, о их самоотверженности и мужестве.

Всюду мы как представители советского народа встречали дружелюбный приём. Путешествуя по Франции, мы однажды остановились на ночлег в маленькой деревушке Ривезалте, недалеко от испанской границы. В Ривезалте нет гостиницы, и мы разместились на ночь по крестьянским домам. Старик — хозяева дома, куда попала я, — муж и жена, встретили меня, как родную. Утром старушка стала показывать мне карточки своих сыновей, как это делают все матери в мире. Оба сына её погибли на фронте. Старушка плакала над карточками, я старалась утешить её, как могла. Так сидели мы с ней, и вдруг я услышала, что в соседней комнате что-то захрипело, потом сквозь шум прорвался голос и внятно сказал по-русски: «... в исполнении Сергея Яковлевича Лемешева.» Снова наступила тишина. И затем знакомый голос, голос Лемешева, зашел: «Вдоль по улице метелица метёт...»

Я встала и кинулась к двери. Дверь распахнулась. На пороге стоял старик-хозяин с сияющим лицом. Оказалось, что во время немецкой оккупации этот отважный старый человек прятал приёмник и тайком слушал Москву. Теперь он всю ночь провозился с ним, чтобы утром, как раз когда я встану, порадовать меня. Я бросилась ему на шею, мы обнялись и поцеловались.

Н. Надеждина

Звезда Севера

Зимой в лесу заблудился человек. В сумерках стали невидимыми протоштанные в снегу тропинки. Человек пробирается наугад, на душе у него тревожно. У него нет компаса. Кто укажет ему, в каком направлении идти? Не встретишь прохожего, у которого можно было бы расспросить дорогу. Человек начинает кричать. но от звука

его голоса только срываются с еловых ветвей пушистые снежные хлопья. И опять в лесу ледяная беззвучие.

Ещё гуще становятся сумерки. Зажигаются звёзды. Никогда они не бывают так ярки, как в морозную ясную ночь. Человек подымает голову и видит на чёрном бархате неба семь блестящих алмазов Большой Медведицы. Будто висит в небе большой звёздный ковш.

Человек отыскивает глазами и другой звёздный ковш — схожий с первым, только меньше размерами и ручка у него повернута в другую сторону. Это — созвездие Малой Медведицы. Ярче всего сияет в ручке ковша Малой Медведицы самая последняя звезда, та, которую называют Полярной. Астрономы обозначают её первой буквой греческого алфавита — альфой.

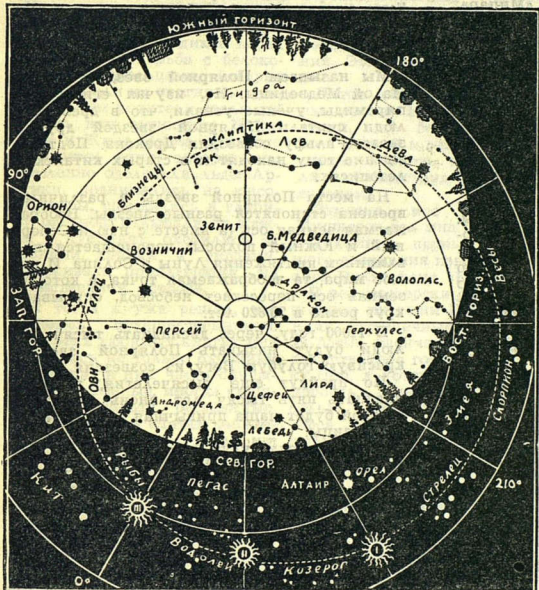
И заблудившийся человек с облегчением вздыхает: он нашёл чудесный компас, который укажет ему правльный путь. Человек становится лицом к Полярной звезде, протягивает вперёд руку с палочкой, направляет конец её на звезду. Потом опускает палочку вниз — это и будет направление на север. Сзади лежит юг, направление — восток, налево — запад.

Так можешь сделать и ты, случись тебе заблудиться. «Звезда дома», как называют индейцы Полярную звезду, укажет тебе дорогу домой.

Почему же по Полярной звезде можно определить страны света?

Благодаря вращению Земли нам кажется, что все звёзды вращаются вокруг неподвижной точки — полюса мира. Почти рядом с этой точкой светится Полярная звезда. Но полюс мира находится как раз над земным Северным полюсом. Человек, который смотрит на Полярную звезду, — смотрит на север.

Температура Полярной звез-

Вторая половина марта. В 10 часов вечера вбднное небо выглядит так, как оно изображено в белом кругу. Вы видите созвездия Большой и Малой Медведиц, Персея, Геркулеса, Лыры, Лебедя, Возничего, Волоса и др. В наших широтах их можно видеть во все времена года.

Солнце перемещается среди созвездий по эклиптике, изображённой на карте пунктиром.

В марте Солнце находится за горизонтом, в созвездии Рыб, которое взойдёт вместе с Солнцем утром и пройдёт с ним по дnevному небосводу, оставшись невидимым для нас. Точно также же выглядело в полночь февральское небо, когда Солнце было в созвездии Водолея, и январское — в 2 часа ночи, когда Солнце было в созвездии Козерога.

Так изображали созвездия Лирь, Дракона, Большой и Малой Медведиц в середине века.

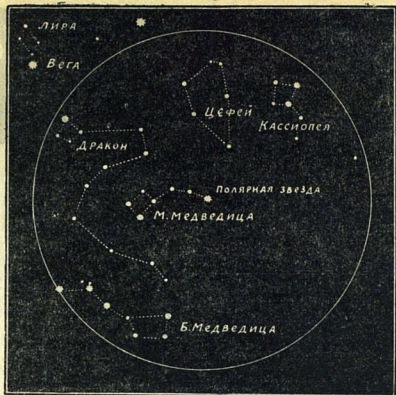
ды — 8 тысяч градусов тепла. По яркости она относится к звёздам второй величины. Тёмных в небе всего 51. Если бы случилось, что Полярная звезда погасла, то ребёнок, родившийся в этот день, половину своей жизни всё-таки видел бы её свет. Свет Полярной звезды идёт до земли тридцать шесть с половиной лет.

В телескоп можно видеть, что Полярная звезда двойная — она состоит из двух звёзд, а средняя звезда в ручке ковша Большой Медведицы — тройная. Две из этих трёх звёзд можно видеть простым глазом. Большую арабы называют «Мицар», что значит «Лошадь», а маленькую — «Алькор» («Всадник»). По «Алькору» арабы испытывают остроту зрения: кто увидит «Всадника» — у того очень зоркие глаза. А когда учёные посмотрели в сильный телескоп, то увидели, что «Лошадь» не одна звезда, а две.

Откуда пошли эти названия — Большая и Малая Медведица?

Две тысячи лет назад грек Гиппарх нанёс на свою звёздную карту семь блестящих звёзд, расположенных в форме ковша, и назвал их созвездием Арктоса — Медведицы. Легенда говорит, будто богиня луны и охоты Диана, рассердившись на нимфу Калипсо, обратила её в медведицу. Но по велению отца древнегреческих богов Зевса, Калипсо приняла новый образ — взмогло на небе созвездие Большой Медведицы.

Через созвездие Медведицы — Арктос — греки на звёздной карте провели круг. Внутри этого круга звёзды всегда видны, они не скрываются за горизонтом. Этот воображаемый круг был назван «арктическим». А современем северные страны, где звёзды внутри «арктического» круга светят почти прямо над головой, получили название — Арктика.

Карта арктического неба. Звёзды в этой части неба видны каждую ночь.

Мы называем Полярной звездой альфу Малой Медведицы. Но, изучая египетские пирамиды, учёные узнали, что в древности люди считали Полярной звездой другую звезду — альфу созвездия Дракона. Подтверждение тому находят и в старых китайских летописях.

На место Полярной звезды в различные времена становятся разные звёзды. Воображаемая земная ось (а вместе с нею и Северный и Южный полюсы) перемещается под влиянием притяжения Луны и Солнца. И полюс мира, та воображаемая точка, в которой земная ось пересекает небосвод, описывает круг ровно в 25 820 лет.

В 14000 году, через двенадцать тысяч лет, люди будут называть Полярной звездой красивую голубую Вегу из созвездия Лирь. Но пройдут ещё тысячелетия, и через двадцать пять тысяч лет вновь Полярной звездой будет наша привычная альфа Малой Медведицы.

И вновь люди будут находить путь по ней, прекрасной и светлой звезде Севера.

Древнеегипетское изображение созвездий Рыб, Водолея и Козерога.

Почему я сделался путешественником

Академик В. А. Обручев

Когда мне было восемь лет, моя мать по вечерам читала мне и моим братьям сочинения Купера. Нам очень нравились «Кожаный чулок», «Последний из могилок», «Следопыт», приключения героев в диких лесах Америки, их борьба с белокими пришельцами, которые захватывали их охотничьи угодья. Потом родители стали покупать нам сочинения Майн Рида и Жюль Верна, и вместе с героями этих авторов мы мысленно одолевали льды Арктики, поднимались на высокие горы, спускались в глубины океанов, изнывали от жажды в пустынях, охотились за слонами, львами и тиграми, переживали приключения на таинственном острове.

И тогда я уже решил, что сделаюсь путешественником. Но в этих любимых книгах мне нравились не только охотники и моряки: в них часто описывались и учёные, иногда смешные и донельзя рассеянные, как Паганель в «Детях капитана Гранта». Учёные знали названия камней и растений, определяли морских рыб через окна «Наутилуса», находили выход из трудных положений. И мне хотелось сделаться естествоиспытателем, открывать неизвестные страны, собирать растения, взбираться на высокие горы за редкими камнями.

В Горном институте, куда я поступил, студенты совершали геологические экскурсии под руководством профессора И. В. Мушкетова. Мы ходили по берегу реки Волхова, часто окаймлённому скалистыми обрывами. Мушкетов увлекательно объяснял нам, как отлагались пласты известняка на дне мо-

ря, как они потом поднялись и стали сушей, как врезала в них река, создавая своё русло. Он показал нам, что в этих камнях попадаются отпечатки морских животных — раковины и кораллы, — по которым можно определить возраст этих пород и условия их образования. Это было очень интересно.

Потом я прослушал прекрасные лекции Мушкетова по геологии, ещё больше увлёкся этой наукой и решил стать геологом, изучать историю земли, путешествуя по разным странам.

Заметив моё увлечение, Мушкетов дал мне замечательную книгу — первый том большого сочинения известного геолога Рихтгофена «Китай».

В ней мастера описаны обширные пустыни Центральной Азии, бесконечные хребты Куэн-Луня, увенчанные снегами, таинственное горное озеро Кукунор, к которому стремился попасть знаменитый Гумбольдт, своеобразная страна лёсса, состоящего из жёлтой пыли, покрывающей толстой пеленой весь север Китая. Природа Центральной Азии очаровала меня, и я решил, сделавшись геологом, проникнуть в глубь этой обширной страны, изучать её горы, пустыни и страну лёсса.

Это намерение осуществилось. По окончании института я попал в Закаспийский край и исследовал песчаную пустыню Кара-Кумы, лёссовые холмы на границах Афганистана, берега реки Аму-Дарьи и её старые русла, побывал на загадочном Узбое, по которому много столетий тому назад текла река, а теперь в её покинутом русле, окаймлённом

В. А. Обручев.

сыпучими песками, тянутся пелоточкой горько-солёные озёра, дно которых покрыто сплошной плетью острых белых кристаллов гипса. Я посетил Бухару и Самарканд, видел их многолюдные базары и красивые древние мечети, мечеть с могилой грозного Тамерлана, искал бирюзу и графит в горной цепи Тянь-Шаня.

Потом я побывал на Байкале, глубочайшем озере земли, протянувшимся на 600 километров в высокой раме скалистых берегов, на обрывах берегов Ангары и Оби, на острове Ольхоне.

А затем удалось полностью осуществить мечту студенческих лет: я отправился геологом большой экспедиции в Китай и в Центральную Азию, которую прошёл от Кяхты до Кульджи. Я видел все местности, которые Рихтгофен описал так хорошо в первом томе «Китай».

Позже ещё раз пришлось вернуться к Центральной

Древнейшее книгохранилище

Азии. Я совершил три путешествия в Джунгарии, открыл там подобие города — созданные работой дождя и ветра улицы, замки, башни, стены, обелиски, сфинксы разнообразных форм.

Итак, сочинения Купера, Майн-Рида и Жюль Верна, прочитанные в юности, побудили меня сделать путешествием-вешником, а «Китай» Рихтгофена окончательно решил выбор специальности. Жюль Верна перечитывал не раз и позже, но уж скептическим отношением к его описаниям, и один из его романов побудил меня сделать его «конкурентом». В «Путешествии к центру земли» есть грубые ошибки в отношении геологии, как, например, спуск по жерлу потухшего вулкана невозможен потому, что жерла всегда заполнены лавой, невероятен подъем героев на плоту по кипящей воде, тем более по лаве в жерле действующего вулкана. Мне захотелось описать путешествие в недра земли более правдоподобно. Так возникла книга «Плутония», молодые читатели которой наивно спрашивают меня в своих письмах, правда ли то, что в ней описано.

Испытав на себе влияние описаний путешествий и научно-фантастических романов, я горячо рекомендую юным читателям книги о русских путешественниках Пржевальском, Потанине, Певцове, Козлове, Грум-Гржимайло, Миклухе-Маклае, Седове и других.

Во время раскопок в мёртвом городе Ниневии (столице древней Ассирии) вместе с прекрасными барельефами, где цари с завитыми бородами пируют, мчатся на колесницах, врукопашную побеждают львов, была найдена библиотека царя Ассурбанипала.

Как, скажете вы, книги пролежали в земле две с половиной тысячи лет и дошли до наших дней? Невероятно.

Да, невероятно для книг из бумаги. Но дело в том, что ассирийцы писали клинописью (значками в форме клина) на толстых глиняных табличках, таблички эти затем сушили и обжигали. Нужно количество табличек составляло книгу (примём для удобства все «листы» глиняной книги метрились начальными словами её первого «листа»; так если «Герой нашего времени» начинается фразой «Я ехал на перекладных из Тифлиса», то на вершине каждой таблички, с чего бы она ни начиналась, должно было бы стоять «Я ехал...»).

В 612 году до нашей эры вавилоняне взяли город и предали дворец сожжению, но не это было страшно для книг. Огонь пожирал бумагу, папирус, пергамент — глина в огне становится только крепче. К сожалению, библиотека царя Ассурбанипала была расположена на втором этаже, чтобы предохра-

нить таблички от сырости. При пожаре таблички попадали, смешались, многие из них разоблились. Ассурбанипад был грамотным человеком (его с детства готовили в жрецы, а на царство предназначали другого). Он рассылал во все стороны опытных писцов — в города, в храмы, за границу к соседям. Они всюду отскивали и переписывали для него древние таблички, благодаря чему до нас дошло огромное количество ценных текстов.

Что только нет в библиотеке Ассурбанипала! Стихи. Басня. Песни. Прекрасные поэтические легенды и сказания; о сотворении мира, о первом человеке, о рыбаке Адаме, который, когда ветер перевернул его ладью, не побоялся гнева богов и обломал ветру крылья...

Есть в библиотеке справочные книги, учебники, грамматические пособия, словари, судебники, хроники и летописи, списки царей, списки стран, гор, рек, каналов, храмов и даже первый опыт карты мира, медицинские сборники, рецепты из которых встречаются в средневековой литературе вплоть до XVI века; труды по астрономии, по математике.

Такова эта замечательная библиотека, которая первая насчитывает 30 тысяч испсанных глиняных пластинок.

Нат. Типот

СОДЕРЖАНИЕ

Сед Победы — С. Юрьев. Фотографии В. Мальберг	1	стр.
Украши Родину садами	4	"
Важное донесение — Рассказ Ю. Сотника. Рис. П. Баранова	5	"
Медная игла. — Рассказ Н. Григорьева. Рис. П. Кузьмичева	11	"
Постройка крепля при Иване Третьем. — Дм. Михайлов	14	"
Грамматическое ископаемое. — Лев Успенский	15	"
Март. — Стихи Юрия Ховкина.	15	"

Наша почта	16	стр.
Обучите на пионерском сборе	20	"
Морокая соль. — Продолжение. Н. Жуанов. Рис. П. Баранова	22	"
Отовсюду и обо всем	30	"
Париж. — Ольга Четчикина. Фотографии М. Калашниковой	32	"
Астрономические вечера	37	"
В мире книг	39	"
Наш сад	III п. обл.	"

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Н. Жукова „Трудная задача“

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 22/III—47 года.

Изд. № 196.

82×110.

1/4 бум. листа.

А 03335.

78 999 печ. вл. в печ. листе, 5 печ. л.

Тираж 37500.

Заказ 522.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В средней полосе нашей страны ранняя весна — лучшая пора для посадки деревьев. Деревья весенней посадки хорошо принимаются и дружно трогаются в рост. Но естественные почвы бедны для садов. И вам прежде всего нужно заготовить пищу для своих будущиx питомцев. Пригатайте с меж и ступерей дерновую землю, из леса — листовую землю, со старых свалок и огородов — перегной. За неделю до посадки натаскайте ещё навозу и всё хорошенько перемешайте. Это будет новая, богатая питательными веществами почва для молодых деревьев.

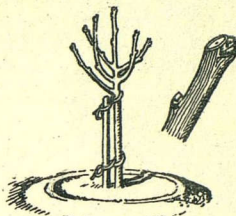
Как только оттаят почва, беритесь за лопаты. Для каждого дерева выройте большую посадочную яму шириною не меньше метра, глубиною 60—70 сантиметров. Верхний слой, более плодородный, сложите

чтобы они не загибались кверху, а другой засыпает их землёй.

Когда яма засыпана, землю вокруг дерева уложите ногой и сделайте лунку, чтобы при поливке не растекалась вода. Деревцо подвигайте к колу так, как показано на рисунке, и хорошенько полейте двумя — тре-

побегов верхушки на высоте 20—25 сантиметров от земли.

После цветения на землянике вырастают усы-побеги. На

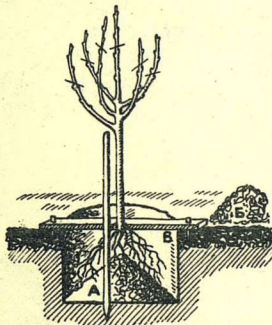

узлах усов развиваются розетки листочков и корешки. Это и есть рассада земляники. Сажать землянику нужно во влажную почву, а потом почаще поливать её.

Если у вас есть несколько кустов красной смородины или крыжовника, к осени вы можете вырастить много молодых кустиков для своего сада.

Ранней весной подкормите старые кусты — под каждый куст внесите 6—8 вёдер перегноя или компоста. Хорошенько разрыхлите землю вокруг кустов, а потом выберите здоровые однолетние побеги, идущие от основания куста, пригните их к земле в неглубокие бороздки и плотно прижмите деревянными шпильками к земле. Чтобы отводки лучше укоренились, сделайте над почками с нижней стороны побегов.

Из почек отрастут побеги. Когда они вырастут на сантиметров 10, окучьте их алакиной землёй до половины. За лето их надо ещё несколько раз окучить, нужно аккуратно выпалывать сорняки и рыхлить почву. В конце сентября или в начале октября обрежьте от куста ветку с укоренившимися отводками, выкопайте их, разделите на кустики и пересадите в свой сад.

возле ямы отдельно. Посредине ямы вбейте кол, к нему вы подвигаете деревцо после посадки. Вокруг кола насыпьте холмик питательной почвы — почти до краёв ямы. Дайте земле осесть и уплотнитесь или утопчите её слегка ногами и приступайте к посадке.

Осмотрите корни саженцев. Повреждённые и загнившие обрежьте, а потом обмачните их в глиняную болтушку, чтобы они не высохли.

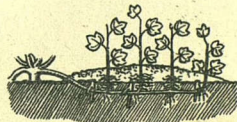
Сажайте деревцо вёдром. Один держит деревцо и расправляет корни рукой, чтобы между ними не было пустот,

я вёдрами воды. Лунку присыпьте сухой землёй, перегноем или торфом, чтобы не пересыхала земля. При посадке корневая шейка деревца должна быть на 6—8 сантиметров выше краёв ямы, так чтобы после оседания почвы она оказалась на одном уровне с поверхностью земли. И глубокая и мелкая посадка вредна для дерева. Перед посадкой вы обрезали корни саженцев. На первых порах они не смогут добыть пищу для зелёной кроны дерева, поэтому сразу же после посадки обрежьте и ветви дерева. Обрезать побеги надо над внешней почкой (смотри рисунок).

Ягодные кустарники сажайте в рыхлую и хорошо удобренную землю. Корневая шейка у

малины должна быть на уровне почвы, у смородины и крыжовника — немножко выше. Кустики ставьте немного наклонно. После посадки срежьте у

В этом году наша страна празднует тридцатилетие советской власти.

Ребята из исторического кружка ленинградского Дворца пионеров изучают героическую историю Октябрьской революции. В музее Дворца есть много картин, нарисованных пионерами и изображающих события, предшествующие октябрю 1917 года.

Толя Клевенский нарисовал, как отряд революционных матросов освобождает арестованных большевиков, которых царское правительство заключило в тюрьму «Кресты» (верхний рисунок).

Картина Бори Воскобойникова (справа, внизу) показывает, как солдаты на фронте читают большевистскую газету «Правда», на страницах которой товарищи Ленин и Сталин призывали народ к борьбе за свободу.

События, изображённые на этих рисунках, происходили ровно тридцать лет тому назад — в марте 1917 года.

